

18+

ТАНЯ ДИБОУ

Год в Сирии между миром и войной

Таня Дибоу

**Год в Сирии между
миром и войной**

«Издательские решения»

Дибоу Т.

Год в Сирии между миром и войной / Т. Дибоу — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503643-8

Автор искренне рассказывает о периоде, проведенном в Сирии. Повествование о личных чувствах, переживаниях и радостях, которые человек испытывает, находясь вдалеке от родины, пытаясь приспособиться к новому укладу жизни. В то же время автор попытался раскрыть и бывшее величие Сирии. Основные темы в книге — это знакомство с Дамаском, с древней Пальмирой, с христианскими и мусульманскими святынями, обучение в мечети, работа в театре и в молодежном центре, сирийские будни и начало революции.

ISBN 978-5-00-503643-8

© Дибоу Т.
© Издательские решения

Содержание

Пролог-вступление	6
Часть I. Мой тернистый путь к далекой Сирии	7
От детских воспоминаний до встречи с сирийцами в России	8
Сначала – Бейрут, а затем – Дамаск	11
Шам! Шам! Шам!	14
Эпилог первый	18
Часть II. Затишье перед бурей	19
Первое утро	20
Цыпленок в новом гнезде	22
Здравствуй, Дамаск!	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Год в Сирии между миром и войной

Таня Дибоу

© Таня Дибоу, 2019

ISBN 978-5-0050-3643-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог-вступление

Стоит мне услышать слово «Сирия», как я сразу мысленно возвращаюсь в 2010—2011 год, который провела там, и начинаю тосковать по ней как по чему-то потерянному и недостающему. Прошло уже больше восьми лет. Столько же продолжается война в Сирии. Воспоминания свежи и не померкли в заботах повседневности.

Пожалуй, Сирия – одно из самых значимых и живописных мест, которое мне посчастливилось посетить. Хотя жестокие потери и ужас войны исказили внешний облик страны, я бережно храню в памяти чистый, спокойный, нерушимый образ мира, гармонии и теплоты милого ближневосточного уголка нашей Земли.

В своем рассказе я попытаюсь запечатлеть те пестрые, неповторимые и многогранные мгновения, которые мне довелось пережить в этой удивительной стране. Я очутилась там перед настоящей бурей трагических событий, отголоски которых по сей день слышны во всем мире. Могу смело сказать, что я застала безоблачный миг между миром и войной.

Моя Сирия – это другая Сирия, отличная от образа, транслируемого телевидением и интернет-каналам. Ведь с 2011 года о стране говорят в основном отрицательно. Нам предлагают картины войны, крови, несправедливости и бесчеловечности. Газеты пестрят рассказами о тысячах беженцев, о консервативных традициях ислама и о террористах.

Но, с другой стороны, для многих эта страна остается неизвестной – ее и до войны посещало не слишком много людей, а сейчас вообще мало кто отважится туда поехать. Словно спустилась мрачная туча и накрыла всё, уничтожив бывшее великолепие. Порой трудно представить, что о Сирии можно отзываться с безграничным восторгом и восхищением. Но я попытаюсь.

Я побывала в разных уголках мира и чудес повидала немало. Но именно Сирия запомнилась мне больше всего. Вероятно, прежде всего – из-за любви. Мой муж родом оттуда. Познакомилась я с ним в Санкт-Петербурге, и в моей жизни все стремительно завертелось. Молоденькая и влюбленная, я мечтала узнать и впитать всё, что связано с его корнями и культурой. И в итоге поехала за ним на чужбину. Меня постоянно спрашивают, какой была Сирия до войны, как там сейчас, что изменилось. Мой ответ на эти вопросы и есть мой рассказ о жизни в Сирии в течение одного года – с декабря 2010-го по декабрь 2011-го. Здесь описаны также некоторые важные дни, предшествующие моему путешествию. Мне очень хотелось рассказать о них, так как без этих событий я, наверное, вообще не оказалась бы в Сирии.

Приобретенный мною опыт я считаю уникальным, так как я попала в страну, когда там еще было все спокойно и не было войны. Я бы даже осмелилась сказать, что ее никто не ждал и не верил, что грядут какие-то серьезные перемены. Во время пребывания в Сирии я видела чудный край, ее народ и культуру. Эту страну еще не поглотило пламя жестокой и безжалостной войны, которая внезапно полыхнула после наступления «арабской весны». Поэтому я попыталась отразить начало кризиса и описать то, что происходит в Сирии сейчас, в 2017 году. Хотя я уже уехала оттуда, наши связи не прервались. ко мне течет поток информации о близких, родных, друзьях. При написании книги я постоянно интересовалась тем, как живут мои знакомые теперь, в трудные времена, и эта информация дополняет повествование новыми актуальными сюжетами. В каждой главе есть маленькое послесловие о том, что стало героями, то есть с реальными людьми и местами, о которых я рассказывала. Это своеобразный калейдоскоп – осколки мира тогдашнего и сегодняшнего.

Приятного чтения, дорогой читатель!

Сирия, 2010—2011; Эстония, 2015—2017

Часть I. Мой тернистый путь к далекой Сирии

В Дамаск

Губы мои приближаются к твоим губам,
И мир, как храм.
Мы, как священнослужители,
Творим обряд.
Строго в великой обители
Слова звучат.
Ангелы, ниц преклоненные,
Поют тропарь.
Звезды – лампы зажженные,
И ночь – алтарь.
Что нас влечет с неизбежностью,
Как сталь – магнит?
Дышим мы страстью и нежностью,
Но взор закрыт.
Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск!

Валерий Брюсов. 1903

От детских воспоминаний до встречи с сирийцами в России

Почему в Сирию? Любовь? Работа? Увлечения и страсть? Или все сразу?..

Как связаны рассказы деда, университет и Сирия?

Первый кирпичик в фундаменте моей межнациональной семьи.

Слышали вы когда-нибудь выражение «случайности – они не случайны»? Подписываюсь. Каждое, даже самое незначительное явление когда-то имеет свое продолжение. Для этого просто должен наступить определенный и подходящий час. Я не просто слышала это выражение, я в него верю, так как сама убедилась в его справедливости. Даже наивные детские мечтания в один день могут сбыться.

Мечта о Сирии поселилась в моей душе еще в раннем детстве в 1980-х годах. Подобно джинну в бутылке, она ждала подходящего момента и в один прекрасный миг пролилась на меня чарующей магией уже в реальности.

Но обо всем по порядку.

Впервые я узнала о Сирии из советских фильмов о Шахерезаде. Снимали эти фильмы в Сирии, кстати. Яркие красочные улицы, старые и шумные восточные базары, мечети с причудливым разноцветным исламским орнаментом... Я увидела совсем другой мир, не такой, как в моем родном эстонском городе.¹

Тогда мне казалось, что Ближний Восток – это идиллия солнца, тающих во рту фруктов, магического волшебства и нераскрытых тайн, и загадок. «!» – думала я тогда. Эта сказочная магия Востока манила и вдохновляла. *Как здорово было бы попасть в этот рай хотя бы разок, хотя бы на мгновение*

Вдобавок к известным арабским сказкам я много слышала о Сирии от моего дедушки. Он работал в том краю в 1970-х годах и любил делиться своим богатым жизненным опытом. В детстве я как-то не задумывалась о том, что в мире есть много разных стран, народов, языков и культур. Дедушка мне почти не рассказывал о том, как сложно жить на чужбине, где другие религия, язык и обычаи.

¹ Трилогия по мотивам сказок «Тысяча и одна ночь»: «Новые сказки Шахерезады», «И еще одна ночь Шахерезады», «Последняя ночь Шахерезады». Фильмы сняты на киностудии «Таджикфильм» и на сирийской киностудии «Ганем-фильм» в 1986—1987 годах.

Его воспоминания были похожи на увлекательные истории о том, что я никогда не видела – о золотистых песках, о прозрачно-голубом высоком небе и большом вечном солнце. Это казалось миражом в пустыне.

Он, конечно, намекал на некоторые трудности, с которыми ему пришлось столкнуться, но я была маленькой беспечной веселой девочкой и не придавала им должного внимания и значения. Поэтому из рассказов дедушки об этой стране у меня остались только самые теплые впечатления. Я поняла, что там живут сердечные, работающие и гостеприимные люди, и, несмотря на ужасно трудный арабский язык, с ними легко можно найти общий язык.

Из командировки дедушка привез нам много сувениров, купленных на шумных базарах Дамаска. «», – не раз думала я. *О-о-о, Дамаск – это огромный бескрайний рынок вещей. как бы мне хотелось побродить там и приобрести эти невиданные вещицы*

Мы по сей день храним старые сувениры, которые он присылал нам из командировки. К примеру, открытка с античными развалинами Пальмиры стоит у меня за стеклом в шкафу как воспоминание о дедушке и о сказочной Сирии.²

Уже не сказочное, а реальное знакомство с сирийцами произошло в 2005 году, когда я поехала учиться культурологии в Россию, в Санкт-Петербургский Государственный университет культуры и искусств.

В российских высших учебных заведениях учится много иностранных студентов, и мой университет не был исключением. Много ребят приехало на учебу из бывших советских республик – Казахстана, Азербайджана, Армении, Украины, а также из дальнего зарубежья, например, из Китая, Индии и Арабских стран.

После пары недель обучения я осознала, что все чаще пересекаюсь с однокурсником Мохаммедом.

2 Пальмира – культурный объект в Сирии, внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Один из самых богатых античных городов, центр караванных путей между Месопотамией и Сирией во II—III веках

Мне – 25 лет, ему – 23. Разница в возрасте и культурах нас не смущает. Мы подолгу болтаем обо всем и ни о чем, то на английском, то на русском, а иногда просто молчим. И однажды что-то проснулось в наших сердцах.

С одной стороны, наша история любви очень проста: мы были однокурсниками и жили в одном общежитии. Виделись почти каждый день, и наши отношения не были штормовыми. Скорее, наоборот, – у нас было достаточно времени, чтобы узнать друг друга. Мы проучились четыре года, прежде чем задумались о браке.

Правда, отношение к нашему браку было сложным и противоречивым. Различие религий, мягко говоря, настораживало. Общались-то мы по европейским традициям. Но я, жертва пропаганды и расхожих стереотипов, опасалась, что после свадьбы картина изменится и от меня вдруг потребуют принять ислам. Жених заверил меня, что это – только мои нелепые предрассудки, которым грош цена. Он больше всего волновался о том, где мы будем жить после получения диплома. Мохаммед боялся, что я как европейка предпочту Европу, а не Ближний Восток, где господствуют совсем другие порядки.

Наши родители отнеслись к будущему браку весьма спокойно. Моя мама за меня не боялась, так как ее отец жил и работал в Сирии, она много знала об этой стране и ничего страшного не ожидала. С обеих сторон родители говорили: *«У наших дорогие дети, это ваш выбор! Может, будет трудно, но мы поможем, чем сможем. Вы, главное, любите друг друга и будьте счастливы!»*

Получив благословение родителей, мы твердо решили пожениться. Для заключения брака нужно было соблюсти некоторые формальности – Мохаммед должен был получить в Сирии справку о том, что у себя на родине он не состоит в другом браке. Для меня этот обычный с виду документ имел огромное значение – ведь мусульманские традиции разрешают мужчине иметь четыре жены. Справку мой жених достал без особых сложностей. Поженились мы летним июльским днем 2007 года на моей родине в Эстонии.

Так родилась новая межнациональная семья.

После заключения брака мы с мужем еще год отучились в России, а после окончания вуза каждый из нас отправился работать на свою родину. Почти полгода мы провели в разлуке и в раздумьях, в какой стране нам жить.

Теплые отношения между двумя молодыми людьми, которые хотят быть вместе, стали мотором моей жизни. С первых дней нашей встречи я считала, что самый лучший способ узнать человека – это оказаться в среде, где он рос, и познакомиться с его родственниками и друзьями. Меня охватило страстное желание после университета поехать с мужем в Сирию. Кроме того ожили мои детские мечты о восточном рае, словно джинн выбрался наконец из бутылки и теперь манит меня в Сирию.

Но что я там буду делать? Сидеть дома, как бабка или домохозяйка? Ехать в Сирию туристом на пару недель мне не хотелось. Я искала возможность остаться там на более долгий срок,

найти работу или какое-нибудь занятие, которое развивало бы мои профессиональные навыки и способности.

И вот удача! В 2010 году мне выпал шанс поучаствовать в европейском молодежном волонтерском проекте помощи в организации досуга молодежи в Сирии. Местом его проведения должен был стать молодежный центр «Джафра» в лагере палестинских беженцев «Ярмук» в Дамаске. Проект был для меня очень важен, так как давал возможность познакомиться с арабской культурой и немного освоить арабский язык. Ведь мой муж знает русский и выучил его в России, так почему бы мне не поехать на его родину и не выучить арабский?

Свершилось! Все складывается замечательно. Я готова ехать в Сирию и заниматься там полезными делами.

Читая позитивные отзывы о «Джафре» и Сирии, я чувствовала себя настоящей счастливницей. В этих комментариях Сирия представала интересной, гостеприимной и безопасной страной. Казалось, что все уже побывавшие там сейчас завидуют мне, так как мне еще только предстоит открыть эту страну.

Сначала – Бейрут, а затем – Дамаск

Начало путешествия из Ливана в Сирию.

Сутки между Бейрутом и Дамаском.

Мой первый снег на Ближнем Востоке.

На дворе – декабрь 2010 года, и я собираюсь в Сирию, по меньшей мере, на полгода. Посмотрела сводку погоды – в Дамаске днем 15 градусов тепла. Вот это да! Шерстяные кофты, шапка, перчатки и шарф, похоже, долго мне не пригодятся.

У меня билет до соседнего Ливана. Оттуда до Сирии я собираюсь доехать на местном автобусе. От ливанской столицы Бейрута до Дамаска всего 84 километра.

Я обожаю путешествовать. Длинные перелеты на самолетах, конечно, утомительны, но они того стоят. Через несколько часов ты оказываешься на другом конце мира, в другой стране, где царят другие законы и обычаи. Ты покидаешь привычную обстановку международного аэропорта и, как младенец, с удивлением взираешь на неведомую среду. Чем дальше ты от родного дома, тем ярче и контрастнее твои ощущения. Меняется все – люди, климат, природа, архитектура. и даже дышится не так, как прежде. Поэтому я с нетерпением всегда жду каждого своего путешествия. Теперь пришла очередь Ближнего Востока.

Семичасовой перелет с пересадками из Эстонии до Ливана наконец завершается. Вид из иллюминатора обалденный, все блещет и переливается яркими огнями. Море, скалы, горы, домики... Мои открытия начинаются!

При выходе из самолета немного нервничаю из-за прохождения границы. Ведь девушке с европейским паспортом, часто перемещающейся по Европе, сложно представить, что где-то ей придется заполнять декларации и соблюдать визовые формальности. К тому же у меня нет ни ливанской, ни сирийской визы. Впустят ли меня в страну или придется вернуться домой? Ливанскую туристическую визу, как и сирийскую, обещали без проблем открыть в аэропорту при условии, что в родной стране нет консульства этих государств. Транзит через ливан длительностью до 48 часов позволяет туристам получить бесплатную визу.

На паспортном контроле все проходит довольно быстро. Ливанцы приветливы и улыбки. Для них главное – чтобы в паспорте не было пометок о посещении Израиля. Здесь никто не любит Израиль. Сирия не может простить ему поражение в Шестидневной войне 1967 года, когда она лишилась Голанских высот. Сейчас Голанские высоты контролируются Израилем, но Сирия требует их возвращения, и Ливан поддерживает ее в этом. Не рекомендуется и ввоз в страну вещей, прямо или косвенно указывающих на посещение Израиля. Здесь, на границе, проблемой может стать даже невинный сувенир с символикой еврейского государства.

Меня немного настораживает подозрительный и пыливый взгляд сотрудника паспортного контроля, который вежливо интересуется:

– Девушка, извините, вы путешествуете совсем одна?

Я опешила. В чем тут, собственно, проблема? Мне 29 лет! Я всегда чувствовала себя вольной птицей – куда хочу, туда и еду. Полмира уже исколесила. Добро пожаловать, Таня, в новый мир!

Я читала в газетах и слышала отзывы о путешествиях представительниц слабого пола по арабским государствам. Писали, что незамужних женщин до 35 лет могут вообще не впустить в страну. Это проявление своеобразной культуры мусульман. Видимо, путешествующие иностранки кажутся им распутницами, а незамужних мусульманок обязательно должен сопровождать в поездках отец или старший брат. Женщине всегда полагается быть под присмотром мужчины.

У меня все обошлось. Через несколько минут я вышла из аэропорта и тут же поняла, почему девушкам лучше не путешествовать одним. Наверное, как раз из-за сложностей, кото-

рые могут возникнуть в пути. Женщины – существа робкие и в незнакомом месте запросто могут растеряться. Тяжелые сумки становятся непосильной ношей, вокруг говорят на непонятном языке, не все указатели продублированы на английском, а арабская вязь для понимания недоступна. Я в смятении. Вот так сюрприз! Сотрудники аэропорта на вопросы на английском только кивают и ничего вразумительного не отвечают. Слава богу, меня встречает муж! А то и правда пропала бы.

Семь вечера, на улице темень, хоть глаз выколи. Воздух сравнительно теплый, градусов 14—16, но довольно сыро. Оказывается, общественный транспорт из бейрутского аэропорта в вечернее время почему-то не ходит. Мой муж об этом тоже не знал, так как был в Ливане всего раз. Такси пришлось ждать минут двадцать. Наверное, в декабре сюда редко прилетают те, кто пользуется таксомотором.

Таксист без зазрения совести заламывает кругленькую сумму. Таксометра-счетчика в машине нет, хотя выглядит она вполне официально. Можно было бы поторговаться и сбить цену, но из меня, конечно, торгаш никакой. Здешние таксисты – отличные психологи. Они быстро и безошибочно определяют, с кого можно стянуть деньги, и твердо стоят на своем, уверенно отбивая все неумелые попытки сбросить цену. С нами было именно так. Ни мой арабский муж, ни мои красивые глаза не помогли.

– Погода дождливая, время позднее... – приводит «веские» доводы таксист, и нам остается только уступить ему и распрощаться с немаленькой суммой.

Бейрут встречает нас проливным дождем. Для путешественника такая погода – враг номер один, а для местных – настоящая благодать. Основная часть населения Ливана и Сирии занята сельским хозяйством, а дождь – это спасение от летней засухи и предпосылка для будущего урожая.

– Давно дождя не было! – говорит таксист и добавляет, что в некоторых местах даже выпал снег и на многих участках гористой местности перекрыты дороги.

Снег в этих местах – явление редкое, ездить по заснеженным скользким дорогам здесь не привыкли и поэтому в такие дни предпочитают отсиживаться в своих уютных домах.

Тем более здесь вообще не используют зимнюю резину. А летняя при низкой температуре становится хрупкой и ненадежной. Машины с летней резиной в мороз на скользкой дороге могут двигаться только с маленькой скоростью. Поэтому снегопады практически парализуют движение на дорогах.

Нам не везет. На автобусном вокзале, откуда мы должны были ехать в Сирию, мы узнаем, что из-за проливного дождя и снега в горах все вечерние маршруты на Дамаск отменены.

Катастрофа! Что делать? Ведь после посадки в Бейруте мы планировали сразу выехать в Дамаск. А теперь придется думать и гадать, где провести эту незапланированную ночь.

Досадная задержка. А мне так хотелось побыстрее попасть в мой новый дом! Поздно, темно, сыро, неуютно... На улицах совсем безлюдно, даже спросить о гостинице не у кого. И, как назло, нет путе- водителя по Ливану. С неба валит снег с дождем, мы с чемоданами в руках, промокшие и озябшие, скитаемся по улицам в надежде встретить хоть одного прохожего. И вот он! Ура, мы спасены! Этот ливанец кажется нам самым милым человеком на земле, так как он сообщает, где находится хороший и сравнительно недорогой отель, куда мы и отправляемся.

Зимнее ливанское утро. Дождь льет без остановки. Небо затянуто сплошным серым полотном и меланхолично, как на грустной картине. Ни малейшего намека на солнце. В гостинице – такая же гнетущая и бесконечная тоска. Смотрю из окна на бескрайнее море, но пока ни искупаться, ни прогуляться по песчаному пляжу нельзя. В номере уютно, но хочется поскорее покинуть его. Невольно возникает вопрос, а что мы здесь вообще делаем?

Людей почти нет. В гостинице мы познакомились лишь с одной очаровательной пенсионеркой из Англии. Даже за завтраком мы, кроме нее, никого не видели. Похоже, здесь мы были только втроем. Английская дама поведала нам, что любит именно декабрьский Бейрут: тури-

стов нет, а проживание в гостинице с полным питанием очень дешевое. Жару она не выносит. Любовь к Ближнему Востоку у нее появилась уже на пенсии, когда она впервые посетила этот регион с экскурсоводом. Последние годы путешествует одна и знает здешние места не хуже местных ливанцев. Она рассказала нам о красотах Ливана, и мне очень захотелось самой увидеть их.

После завтрака дождь прекратился, мы немного погуляли по городу. Бейрут показался мне типичным современным городом. Он больше похож на маленькую и компактную Швейцарию. Много роскошных вилл и дорогих машин, мало людей. Даже не верится, что я – на Ближнем Востоке. В преддверии Рождества на балконах, на деревьях и кустарниках висят гирлянды.

Мне захотелось купить пару сувениров и восточной еды. Три часа пробегала по магазинам – и без толку, не нашла ничего, что могло бы меня порадовать. Все кажется знакомым и таким... западным. Словно я уже где-то это видела. А душа жаждет чего-то специфического, уникального, восточного. Даже решив перекусить, мы не смогли найти открытого чисто ливанского кафе или ресторана. Почему-то все заведения в обед еще закрыты. улицы пестрят европейскими вывесками. Обедаем в McDonald's.

Я жую привычную картошку и смотрю в окно. На крышах многих зданий и на столбах развеваются на ветру национальные флаги с изображением кедра и местных политических лидеров. Пасмурному декабрьскому дню эти красно-бело-зеленые ливанские флажки придают своеобразную живость.

– А почему так много флагов и плакатов? Может, местный праздник какой-то? – спрашиваю я у мужа.

Мохаммед привычно пожимает плечами:

– Не думаю, что дело в празднике. В этих краях любят развешивать флаги. В Сирии почти так же, для этого государственный праздник не нужен, – улыбается он и добавляет:

– Обычная политическая показуха и выражение преданности и патриотизма.

Из-за избыточной национальной символики у меня возникает ощущение, что в стране идет предвыборная кампания или готовится парад. Все эти флаги, транспаранты, портреты почти полностью закрывают здания и делают улицы похожими друг на друга.

С общественном транспорте тоже странная картина. Остановок и автобусов мы почти не видели. Местные жители передвигаются в основном на своих автомобилях.

Мы вернулись в гостиницу за вещами, намереваясь быстро собраться и ехать в Дамаск.

Когда мы сдавали ключи, молодой администратор вежливо поинтересовался, куда мы направляемся и почему не хотим погостить подольше. Узнав, что мы собираемся в Дамаск, он нас огорчил: из-за выпавшего ночью мокрого снега дорога туда до сих пор небезопасна и автобусы, скорее всего, еще не ходят.

Предположение администратора подтвердилось. Приехав на автовокзал, видим что нет ни одного автобуса в соседнюю Сирию. Даже билетные кассы закрыты.

Всё будто вымерло. Дорожного сообщения между двумя странами нет уже второй день.

– Черт побери эту погоду! Просто жуть! И почему именно здесь и сейчас, когда некуда податься и нечем заняться? Что нам теперь делать? – я кричу и просто закипаю от недовольства и беспомощности в чужой стране в середине вокзала.

И тут мы слышим спасительные возгласы.

Шам! Шам! Шам!

В тесноте, да не в обиде, мы – в такси, да не одни.

Прохождение ливанско-сирийской границы, или как я получила сирийскую визу и штамп о браке с сирийцем в паспорт.

Долгожданная дорога на Дамаск.

– Шам! Шам! Шам! – громко кричал, размахивая руками, частный таксист.

Шам по-арабски – одно из названий Дамаска.³

О-о-о, мы спасены! Нас готов довести до Шама сириец на шикарном черном джипе. Я успокоилась. Моего прежнего негодования и след простыл. Не люблю плотно набитые людьми автобусы. А здесь автобусу есть достойная альтернатива – доехать на машине без попутчиков, быстро и комфортно.

И опять я ошиблась! В Сирии самый распространенный междугородний транспорт – это автобус. Личная машина остается роскошью. Аренда частного автомобиля – тоже редкость. Поэтому выясняется, что едем мы в машине не одни. В салоне автомобиля уже сидят двое юношей, а сам автомобиль битком набит тюфяками и баулами. К тому же салон насквозь прокурен. Так что о комфорте теперь можно смело забыть.

Наши попутчики – тоже сирийцы. Работают в Ливане, возвращаются на родину. А хозяин машины – вовсе не хозяин, а арендует ее для своего бизнеса – перевозки людей и товаров между Бейрутом и Дамаском, Сирией и Ливаном. Ливанские автобусы часто отменяют рейсы, поэтому работы у частных таксистов хватает, и всегда есть возможность дополнительного заработка. Таксист говорит, что нам придется сделать остановку на окраине Бейрута и выгрузить товар. В машине лежит также несколько посылок, которые нужно доставить в Сирию.

³ Шам – классическое арабское название Сирии, которая раньше включала в себя современную Сирию, Израиль, Иорданию, Ливан, палестинские территории, части Ирака, Ирана и Южной Турции. Теперь этим словом называют только Дамаск. Кстати, в Ливане и Сирии местные жители очень редко называют Дамаск по-арабски Димашк, чаще – Шам или Димашк-эш-Шам.

Несмотря на эффектный внешний вид, салон машины довольно потрепанный, не люкс и не шик. У меня возникла аналогия с битком набитым товарным поездом, в который на каждой станции загружают дополнительный груз. Не хватает воздуха, но окна не откроешь, так как на улице то дождь, то снег.

Вот так, в тесноте, как селетки в бочке, едем мы по скоростной трассе из Бейрута в Дамаск. За окном сначала мелькают высокие здания большого города, через несколько минут они сменяются трущобами, а затем все постройки вообще пропадают из виду.

Мне невесело, скучно и утомительно. Быстро темнеет, в салоне очень громко играет арабская музыка. Мужчины яростно жестикулируют, шумно и эмоционально что-то обсуждают. Не скажешь, что они познакомились только несколько минут назад. Я понимаю лишь отдельные слова и в бурном мужском разговоре не участвую. Мое неумение говорить по-арабски кажется мне большим недостатком. По натуре я – рассказчик, а не слушатель, но здесь пока остается довольствоваться ролью немого наблюдателя.

Дорога действительно опасна. Местами ее пересекают большие сугробы. Преодолевать их непросто. Автомобиль то буксует в снегу, то сбрасывает скорость на поворотах, чтобы не свалиться в овраг. Я замираю от волнения на каждом крутом повороте, где колеса противно скрипят по дорожному льду.

Спать хочется ужасно, но я не могу закрыть глаза. Пытаюсь разглядеть в кромешной темноте хоть что-то, похожее на свои восточные сказки. Увы, нет ни пустыни, ни солнца, ни жары... Темная зимняя ночь. Всё похоже на нашу прибалтийскую зиму, где в декабре так же

темно и холодно. Только громкие голоса сирийских мужчин напоминают мне, что я очень далеко от дома.

Мы – на границе Ливана и Сирии. Нет ни очереди, ни транспорта, ни людей, хотя обычно здесь выстраиваются длинные вереницы машин.

Для моих сирийских попутчиков все проходит быстро и без всяких формальностей, так как они могут свободно пересекать ливанско-сирийскую границу по внутреннему удостоверению личности без всяких виз и штампов в паспорте.

А мы с мужем полчаса ждем служащего, который выдает сирийские визы. Он куда-то отлучился по своим делам, и никто не знает, где он и когда появится.

Вернувшись, он приветливо берет мой паспорт, с любопытством рассматривает его, внимательно оглядывает нас с мужем и интересуется:

– Какова цель визита? Туристическая? У кого вы собираетесь жить?

Вас кто-то принимает в Сирии?

– Я еду по проекту на работу, и у меня в Сирии супруг, – отвечаю я. Пограничник, слегка нахмутив брови, продолжает:

– А кто супруг? Вы, что ли? – и, обращаясь к Мохаммеду, переходит на арабский. – Вы действительно муж и жена? А почему до сих пор не оформлен брак в Сирии?

Он смотрит на меня с настороженностью, ведь наш брак в Сирии не легализован, и, по сути, здесь я не являюсь замужней женщиной.

Мне все эти вопросы кажутся нелепыми, ведь мы уже почти два года в официальном браке. «В чем разница? Да, расписаны мы в Эстонии, но свидетельство о браке есть и на английском», – рассуждаю я про себя.

Оказалось, что наше свидетельство о браке не является здесь серьезным документом. Все браки сирийцев с иностранными гражданами нужно легализовать в Сирии, и только в этом случае можно считаться официальными супругами.

Муж изрядно нервничает, но не падает духом и старается убедить пограничника, что мы действительно муж и жена. Он объясняет, что зарегистрировать брак пока не успел, но по приезде обязательно этим займется. С горем пополам заслуживаем снисхождение пограничника.

Плачу госпошлину за визу в сумме 12 долларов, служащий ставит в мой паспорт наклеивает что-то похожее на почтовую марку. Поверх «марки» пограничник что-то вписывает арабской вязью. Вчитываемся и видим:

. «жена сирийца»

– Добро пожаловать в Сирию! – уже приветливо говорит он, возвращая мне паспорт. – Эта виза-марка пригодится, если приедешь с этим паспортом одна, а брак в Сирии еще не будет оформлен.

Паспорт с визой готов, я с восторгом восклицаю про себя:

«Ну вот я уже одной ногой в Сирии, да еще как «жена сирийца»! В глубине души мне чуточку боязно, ведь я не знаю, что ждет меня впереди. Но сердце трепещет от предвкушения грядущих перемен.

Продолжаем путь в желанный Дамаск по хорошо освещенной дороге. По обочинам на высоких столбах всюду висят одинаковые портреты молодого мужчины – президента Сирии. На каждом портрете – надпись на арабском языке: Эта фраза мелькала у меня перед глазами, наверное, раз сто. , – размышляю я. *«Мы, Сирия, лучше знаем нашего Башира Аль-Асада». «Видимо, так сирийский народ дает иностранцам понять, что ему неважно мнение других стран о своем президенте, главное – что сами сирийцы о нем думают»*

Спрашиваю у мужчин о достоинствах президента. Вместо ответа таксист и попутчики дают мне как иностранке простой совет – никогда не спорить о политике. И, боже упаси, отозваться плохо о действующей власти. На вопрос о сирийском президенте лучше сказать

так: . Этой фразой я никого не обижу, и реакция на нее будет положительной. *«Думаю, что он компетентный и достойный президент»*

На календаре – 10 декабря 2010 года. В мировой политике к Сирии относятся неоднозначно. С западными странами отношения у нее довольно натянутые. Они периодически обвиняют сирийское руководство в поддержке иракского сопротивления, в вооружении Хезболлы, в нарушениях прав человека и диктаторских методах управления. Исключением можно считать Францию, которая сотрудничает с Сирией в сфере экономики. Особые отношения складываются у Сирии с Россией, поскольку она рассматривает Россию как главный источник инвестиций и как основной военнотехнический партнер. Для России Сирия – важный стратегический партнер на Средиземном море. В приморском сирийском Тартусе расположена российская военная база.⁴

Через пару километров от границы портретов президента становится меньше, но ближе к Дамаску изображения мужчин в светской и военной одежде появляются снова. Это портреты предыдущего и нынешнего сирийских президентов Хафеза и Башира Асадов. Они висят повсюду – как вместе, так и по отдельности.

Хафез Асад считается основателем современного сирийского государства. Сирийцы уважают его как сильного президента страны. Многими лидерами европейских стран и США он воспринимается как диктатор. Несмотря на это, некоторые зарубежные политики считают его влиятельным и харизматичным политическим деятелем. В свое время президент США Билл Клинтон назвал его политиком номер один в мире. Хафез Асад известен как лидер, сумевший объединить мульти-конфессиональный сирийский народ в единую нацию, укрепить экономику страны и выстроить светское общество. Он боролся со всеми видами исламского радикализма, создал сильную и боеспособную армию. Его называли правителем с железной рукой. После смерти Хафеза Асада люди в разных уголках страны до сих пор вешают его плакаты, отдавая дань уважения основателю сирийского государства.

Во многих арабских странах лидер традиционно появляется на публике в арабском платке на голове. Но сирийский президент всегда одет в классический деловой костюм или в военную форму.

4«Хезболла» – военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия, выступающая за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. Считает Америку своим врагом и выступает против государства Израиль.

Признаки возвеличивания президента присутствуют всюду. Наверняка можно предположить, что здесь действует своего рода культ личности.

Часто можно увидеть и плакаты международной тройки: сирийский президент Башар Асад, иранский президент Махмуд Ахмадинежад и лидер ливанской шиитской политической партии и полувоенной организации «Хезболла» Хасан Насралла. Эта тройка подчеркивает дружбу братских народов и общность политических взглядов. Сирия, Иран и «Хезболла» совместно выступают против политики Америки и Израиля на Ближнем Востоке.

Широкая, хорошо асфальтированная дорога петляет, с обеих сторон нас окружают невысокие рыжевато-серые горы. Пара экскаваторов и бульдозеров усердно расчищает оставшиеся на проезжей части сугробы. Едем со скоростью не больше 80 км в час.

Это главная дорога из Ливана в Дамаск. Надписи на указателях преимущественно арабские, а там, где все же удалось дать перевод, он мало помогает из-за своей корявости. В результате английские названия на указателях так отличаются от названий реальных, что запутаться в них – раз плюнуть.

Машины ночью мало, и они отличаются от бейрутских, здесь они беднее, старше. Порой можно увидеть экземпляры, место которым – в каком-нибудь музее раритетных автомобилей. На глаза попались несколько «Жигулей» и «Лад», а также новая для меня марка «Шам».

Это иранско-сирийский автопром. Свое название машина получила в честь древнего названия Сирии.

Въезжаем в Дамаск. Среди городских построек много пестрых магазинчиков с едой, они открыты даже ночью. Достаточно многолюдно, несмотря на поздний час. Снега и дождя уже нет, температура около 10 градусов. Не зря ли я выложила свитера и шапки?

Вокзал заполнен местными маршрутными автобусами и такси. Шум транспорта и многочисленные яркие огни свидетельствуют о том, что город не спит.

Новая обстановка будит мое любопытство. Я в Сирии! Я в древнем славном Дамаске! Меня ждут самые разные открытия.

Эпилог первый

Лето 2017 года. Внимание всего мира приковано к 20-миллионной стране под названием «Сирия». По нескольким каналам и по несколько раз в день рассказывают о трагических событиях: боевики ИГИЛа (Здесь и далее: «Террористическая организация запрещена в РФ»), Джебхат ан-Нусра («Террористическая организация запрещена в РФ»), борьба за власть и ресурсы между повстанцами и войсками режима президента. Страна с богатейшим культурным и историческим наследием превратилась в одно из самых несчастных мест на земле. Все только и говорят о разрушениях и человеческих потерях.

О свободных и безопасных поездках в Сирию можно забыть. Грустное совпадение: самый безопасный путь в Сирию на сегодняшний день – это дорога из Бейрута в Дамаск, по которой я когда-то ехала. Теперь здесь туристов не увидишь. Иностранцы на территории Сирии – это либо военные корреспонденты, либо военные советники, либо головорезы, приехавшие со всего мира воевать в рядах ИГИЛа.

Дорога из Бейрута от ливанской границы до Дамаска находится под контролем государственной власти. Армия надежно защищает проезжую часть от террористов. Военные останавливают каждого, тщательно осматривают машины и пассажиров. Сами сирийцы теперь стали беженцами в Ливане. В Ливане уже более полутора миллиона беженцев. В мире сирийцев не хотят видеть нигде, они ассоциируются или с террористами, или с беженцами. Получить визу какой-нибудь страны для них почти нереально.

Я называю последние шесть лет «уничтожающей трансформацией». Сравнивать начало и конец этого периода невозможно. Это как день и ночь, черт и Бог. изменения ужасные и устрашающие. По-моему, война – это проклятье для любого народа и страны, так как она уничтожает все.

Глава Сирии Башар Аль-Асад в 2014 году снова был избран президентом, набрав абсолютное большинство голосов. Отношение к нему противоречивое. Сирийский народ раскололся на два лагеря – на сторонников режима Башара Аль-Асада и его противников.

Дорога на Дамаск для многих фанатиков-исламистов стала главной целью их жизни. Исламистские радикалы стремятся в Сирию для борьбы с «неверными», для них это – священное поле битвы. Если хочешь попасть в рай, ты должен пройти через Сирию. Война продолжается.

Когда я слушаю истории моих знакомых сирийцев, у меня щемит сердце. Господи! Неужели все это происходит в моей Сирии?! Мне до сих пор не верится в происходящее. После каждого разговора по телефону или электронного письма я плачу навзрыд. К счастью, многие мои сирийские друзья еще живы. Я всегда держу за них кулаки. За всех тех, кто еще остается в Сирии и несет на себе бремя войны. Я жду момента, когда мы снова встретимся на этой прекрасной земле.

Но в то же время я благодарна судьбе, что наша маленькая семья сейчас живет в Эстонии. Мы в безопасности и далеко от ужасов войны.

Часть II. Затишье перед бурей

Доброе утро, Сирия!

Я слышу, как солнце нежно шепчет:
«Доброе утро, Сирия!
Доброе утро, земля благословенная,
Которая никогда не отвернется от меня».
Сирия, страна величия, покорная лишь Аллаху,
Полюбуйся на этот народ,
Беззаветно любящий свою землю,
Где Библия идет плечом к плечу с кораном.
Сектантам здесь не место.
О, Сирия, земля земель, открытая всему миру.
И вход в нее закрыт лишь изменникам и захватчикам!

*Из моей любимой песни известного современного сирийского певца Али
ал`Дика» Доброе утро, Сирия!»*

Первое утро

Будильник мусульманского Востока, или как я проснулась в новом доме.

Утреннее знакомство с жилищем. Что удивило меня в первые дни?

А что, уже утро?! Первая ночь пролетела невероятно быстро. Чувствую себя слегка уставшей от вчерашнего путешествия, хочется еще понежиться в кровати. Кажется, что в доме все еще спят и не торопятся подниматься со своих теплых, нагретых телами уютных лож. Ранняя утренняя тишина.

В комнате довольно холодно. Похоже, зимой она не отапливается, и меня это настораживает. Бр-р-р... Бр-р-р-р... Я словно в холодильнике. Казалось бы, мне, жительнице северной страны, не пристало жаловаться на температуру зимнего сирийского воздуха. Однако, похоже, о вечной жаре Ближнего Востока придется забыть или хотя бы свыкнуться с мыслью, что зима бывает везде.

Оглядываюсь и понимаю, что здесь вообще нет привычных радиаторов и других электрических обогревателей. Их заменяет странный металлический предмет, он стоит в углу и похож на буржуйку. Я совсем не умею пользоваться такой печкой – здесь нет привычных поленьев, которые можно забросить в топку. Сама печь давно остыла, но от нее идет мерзкий запах мазута. Пахнет, как на бензоколонке. Похоже, по ночам ее не топят – мало ли что может случиться. Вот и получается, что под утро помещение остывает.

Я еще совсем сонная, но спать дальше не дает холод, он щиплет мои высунувшиеся из-под одеяла ноги и нос. Однако я осознаю, что не холод прервал мой сон, а что-то другое. Может, ход часов? Кстати, где часы? Сколько уже времени? Одиноким циферблат уныло висит на белой пустой стене, но он мне не помощник. Нет привычного мерного тиканья, стрелки застыли на месте, забыв о своем основном предназначении.

В спальне нет окон, так что не определить – на улице еще темно или уже солнце светит.

С улицы доносятся странные протяжные монотонные звуки. Прислушиваюсь. Да, это завывающий мужской голос. Очень интригует.

Мохаммед, как маленький ребенок, крепко спит рядом. Не осмеливаюсь его будить после вчерашнего длинного дня. Да и незачем, сама попытаюсь догадаться. Пение продолжается, и мое любопытство побеждает.

Я тихонько встаю с кровати. Хорошо, что на полу лежит мягкий шерстяной ковер и мне не нужно топтать босиком по холодным бетонным плитам с восточным узором. Второпях натягиваю пижамные штаны и единственный привезенный шерстяной вязаный свитер, который не раз согревал меня в Эстонии, на цыпочках выскальзываю из комнаты, дохожу по широкому коридору до соседней гостиной, ее большое окно наконец удовлетворяет мое любопытство.

На улице только светает, но уже можно разглядеть ближайшие окрестности. Панорама не очень-то живописная. Сплошные дома. Яблоку негде упасть. Дома стоят так близко друг к другу, что кажется, рукой можно дотянуться до дома соседа. На улице – никого. Но кто-то же поет свою песню в надежде, что его услышат. Значит, спят не все.

О, мне кажется, что в этой просторной комнате значительно теплее, чем в спальне. Наверняка солнце нагревает здесь стены в течение дня. Странно, но и здесь нет исправных часов. Сколько же все-таки времени? И кто поет эту песню?

Быстро поднимаюсь на третий, последний, этаж дома, где пока никто не живет. Стройка в полном разгаре. Еще не очень понятно, что здесь будет, но уже видно, что помещение разделено на четыре просторные комнаты, как и на других этажах. Оконные рамы пока не застек-

лены, на полу – песок, серые бетонные стены. Окна без стекол в середине зимы? Впрочем, осадков зимой здесь, пожалуй, немного, так что стройку не обязательно консервировать.

Любопытство гонит меня выше, я поднимаюсь на крышу здания. Совсем другое дело. Отсюда вид гораздо лучше. В том смысле, что я вижу, где нахожусь и откуда доносится эта утренняя песня.

Окидываю взглядом открывшуюся панораму. Песчаная гора плотно усыпана однотипными малоэтажками и разрезана узкими улочками. Дома лепятся к горе и друг к другу и напоминают скопление птичьих гнезд. На крышах – веревки с выстиранным бельем и телевизионные спутниковые тарелки, напоминающие распустившиеся бутоны цветов.

На первый взгляд, дикое зрелище. Этот район Дамаска представляет собой поселок, где нет ни зелени, ни архитектурного разнообразия. Серые бетонные дома без начала и конца. Его будто слепили из конструктора «лего» в одно бесформенное целое, не задумываясь об эстетической стороне.

Неподалеку остроконечная башня светится зелеными фонарями. Это сооружение радует глаз и выделяется на фоне скучного жилого массива. Внимательно разглядываю башню и вижу несколько больших рупоров. Да, именно из них и идет этот завораживающий звук. С запозданием понимаю, что башня – это мечеть, а пение мужчины – молитва.

Сейчас, должно быть, около шести утра. Я сижу на крыше на белом пластмассовом стуле и думаю: я же приехала в мусульманскую страну, чего еще ожидать? Должна была сразу догадаться, что это за пение.

Молитва – одна из самых важных обязанностей исповедующих ислам. Мусульмане молятся Аллаху пять раз в день: когда встает солнце, в середине дня, после обеда, на закате и при наступлении ночи. Сейчас я слушаю первую молитву.

Солнца еще не видно, но небо ясное. Предвкушаю дивную погоду. Мне не терпится отправиться в город, но надо подождать, пока проснутся остальные обитатели дома. Я на цыпочках спускаюсь вниз.

Опять тишина, молитва закончилась. В доме никто не молится, все спят. По крайней мере, мои новые родственники не всегда выполняют священный долг мусульманина – совершение молитвы.

Раз все еще спят, я тоже могу немного поваляться. Но в холодную спальню возвращаться не хочется. Прилягу-ка я в этой комнате с широкими окнами, через которые уже пробиваются первые желтые лучи солнца. Я поудобнее устраиваюсь на маленьком диванчике возле окна и засыпаю.

Цыпленок в новом гнезде

Знакомство с обитателями дома. Братья Хасан и Рида.

Сестра Ноха. Роскошный завтрак на ковре.

Сколько времени я проспала, не знаю. но точно знаю, что вторым моим будильником стал шум проезжающих машин. Открываю глаза и вижу, что в комнате я одна.

Солнце залило помещение ярким светом. С первого этажа доносятся голоса мужчин. Мне хочется поближе познакомиться с обитателями дома и узнать, где я, собственно, нахожусь. Какое оно, мое новое гнездышко?

Спешу в ванную привести себя в порядок. Ванную – это я, конечно, громко сказала. Никакой ванны нет. Это просторная комната, сверху донизу облицованная белым кафелем, в стене – душевая насадка и раковина с краном, в полу – слив для воды. Вместо унитаза – дырка в полу. Туалетной бумаги нет, вместо нее из стены торчит шланг для полоскания. Выглядит совсем не по-европейски.

Вода в кране – не просто холодная, а ледяная. Замечаю, что на стене висит скромненький бойлер, но включить его не решаюсь. кое-как чищу зубы и споласкиваю лицо и руки. Главное – побыстрее, чтобы не обморозиться. Как цыпленок, приходит мне на ум аналогия. Да-а-а, несладко приходится здесь зимой местным чистюлям, хорошо, что хоть бойлер спасает их.

На цыпочках спускаюсь на первый этаж. С каждой ступенькой лестницы мое волнение усиливается, я стесняюсь того, что сейчас мне придется что-то сказать на арабском. Навстречу мне выходит молодая красивая девушка.

– Сабах аль хэйр! – приветливо говорит она.⁵

– Мархаба! – скромно отвечаю я. Это пока почти единственное, что я могу произнести без смущения и отчетливо на арабском.⁶

⁵Доброе утро, Таня! (араб.)

⁶Привет! (араб.)

Девушка обнимает меня и целует три раза в обе щеки, примерно так делают при встречах во Франции. Она что-то шепчет по-арабски, но я, к моему глубокому сожалению, ничего не понимаю. Догадываюсь, что это Ноха – младшая сестра моего мужа, о которой он мне не раз рассказывал.

Ноха – симпатичная двадцатилетняя брюнетка. на ее белом юном личике из-за застенчивости изредка проступает румянец. Ее длинная толстая коса доходит до тонкой талии, а светлые голубые глаза прекрасны. Она улыбочива и мила со мной. Я уже знаю, что она изучает историю в Дамасском университете. Во время учебы она живет в доме братьев, а на каникулы и на выходные уезжает к родителям в деревню. Братья-холостяки опекают сестру в городе, а в ответ Ноха помогает им по хозяйству.

Ноха манит меня в кухню, где она готовит завтрак. На столе лежит большой круглый поднос с десятком маленьких тарелочек. В одной – вареные яйца, в другой – зеленые оливки. остальных продуктов я толком не знаю. Наверное, местные блюда. Ноха снимает с газовой плиты маленький чайник и ставит в середину подноса.

Я сижу за кухонным столом и жду остальных членов семьи, чтобы дружно позавтракать. Но, оказывается, есть мы будем не на кухне. Ноха ловко подхватывает тяжелый поднос и уносит в соседнюю комнату, где до сих беседуют мужчины. Я плетусь следом.

Эта комната – просторная и солнечная. На окнах висят тяжелые бархатные занавески с узорами и бахромой. Мебели почти нет, только громоздкий платяной шкаф и массивная деревянная тумба с телевизором. На полу – большущий разноцветный ковер. А все стены опоясывает своего рода диван. Но назвать его предметом мебели сложно, он совсем не похож на обыч-

ный диван с устойчивой конструкцией. Этот диван образуют большие квадратные и прямоугольные подушки, размещенные на ковре буквой П.

На первый взгляд, кажется, что люди сидят на полу, но на самом деле они сидят на мягком диване из разноцветных подушек и причудливых цилиндрических валиков. Мест на таком диване не сосчитать, он занимает большую часть комнаты площадью 30 квадратных метров.

В одном углу устроились трое молодых мужчин. Я знаю только мужа, но по внешнему сходству легко догадываюсь, кто его собеседники. Это братья моего супруга – младший Рида и старший Хасан. Мохаммед и Рида очень похожи – оба худощавы, зеленоглазы, совсем как близнецы, только у Мохаммеда темные волосы, а у Рида – русые. Хасан, напротив, – голубоглазый, с небольшими залысинами в темно-русых волосах, ухоженный коренастый мужчина 35 лет.

Как только мы входим, братья сразу встают поприветствовать и обнять меня – крепко и каждый по очереди. Все снова дружно повторяют фразу:

– Добро пожаловать в Сирию!

Поднос с завтраком занимает свое место на ковре в центре комнаты, и моя первая трапеза в Сирии начинается.

Все очень по-восточному. Все – по-другому. Забавно, что в XXI веке сохраняются такие древние традиции. Я думала, что только в восточных сказках герои трапезничают на ковре. Мне непривычно завтракать, сидя на полу. В этих краях считается, что пищу следует принимать именно так, как поступал посланник Аллаха пророк Мухаммед. Кроме того прием пищи на полу больше соответствует принципам скромности и смирения.

Мне же это пока напоминает семейство цыплят, которые дружно клюют семечки на подносе.

Честно говоря, это не так уж и удобно. С непривычки не знаю, как наклониться за едой, как держать стаканчик чая. Ноха показывает, как нужно сесть, чтобы было комфортно и легко принимать пищу. Она укладывает свою левую ногу под себя, наподобие позы лотоса, а правую, согнув в колене, плотно прижимает к груди.

Я пытаюсь повторить это гимнастическое упражнение. В принципе, ничего сложного.

За завтраком узнаю, что есть и другие тонкости при приеме пищи. Сухие продукты надо брать с подноса тремя пальцами правой руки. То есть щепоткой. Своей тарелки ни у кого нет. Поэтому нужно считаться со всеми сидящими за столом и соблюдать вежливую очередность, когда протягиваешь руку за лакомым кусочком. Жидкие блюда едят ложками или макают в них лепешки и лаваш.

Знакомлюсь с новыми блюдами – хумус, бабагануш, фалафель, макдус, пирожки с заатаром. Типичный сирийский завтрак. Все безумно вкусно. Я – вегетарианка и в незнакомом месте частенько привередничаю в еде, так как не знаю, что из чего приготовлено. Местные яства на завтрак мне по вкусу – нет ни колбасы, ни сосисок, которые обычно предлагают в европейских гостиницах. Однако смущает обилие оливкового масла. Все будто плавает в нем. Родственники мужа без усталости макают в него лаваш, а потом еще заворачивают в него чрезмерно пропитанный оливковым маслом макдус. А на подносе стоит тарелка с острыми оливками. У меня возникает ощущение, что масло скоро потечет у меня из ушей. Больше всего мне нравится фалафель. За завтраком я только и ем эти маленькие оранжевые нуттовые котлетки, заполняя желудок полезной и легкой пищей.^{7 8 9 10 11}

Черный очень сладкий чай мы пьем из маленьких стеклянных кружек. К этому мне надо привыкнуть, так как я предпочитаю зеленый чай и никогда не пью чай с сахаром. Чай заваривают в маленьком чайничке уже с сахаром. Я хоть и сладкоежка, но приторный чай – это уже перебор. Несколько горячих глотков я запиваю холодной водой.

⁷Хумус— закуска из нуттового (горохового) пюре, кунжута, лимонного сока, чеснока.

8Бабагануш – закуска из пюрированных жареных баклажанов с добавлением кунжутной пасты тахини, оливкового масла, лимонного сока и чеснока.

9Фалафель – закуска в виде запеченных котлет-шариков из гороханута и приправ, подается с кунжутным соусом, овощами или питой.

10Макдус – баклажаны в оливковом масле, фаршированные орехами, красным перцем, чесноком.

11Заатар – смесь специй и трав на основе тимьяна.

Уже по первому завтраку понимаю, что сирийцы любят экстремальные вкусы и переслащенные, на мой взгляд, блюда. Бытует мнение, что они – самые большие сладкоежки: в Сирии употребляют сахара больше, чем в любой другой стране мира. Сами же сирийцы считают, что употребление сладкого помогает им переносить жару.

Несмотря на сладкий чай и избыток оливкового масла, мне нравится восточная еда, которой нас кормит Ноха. Недовольна я другим: мне неудобно, что вокруг все говорят, а я молчу.

Но мы все-таки пытаемся общаться. Я пробую начать разговор на английском. Ноха учила английский язык в школе и продолжает в университете, поэтому с ней у меня получается немного побеседовать.

С братьями гораздо сложнее, поскольку из школы они почти ничего не помнят. У нас мало что получается, так как я использую мои начальные знания в арабском, а молодые люди – свой забытый английский. Муж берет на себя роль переводчика.

В основном говорим о районе и доме, где мы живем. Оказывается, наш район называется Аш-аль-Уаруар, что в переводе с арабского означает «гнездо маленькой стайной птички щурки». Панорама района действительно соответствует его названию. Это – окраина Дамаска, заселенная в основном алавитами. Они начали строить здесь дома в 1970 году. Вообще алавиты испокон веков занимались сельским хозяйством и жили в деревнях. По разным оценкам, в Сирии насчитывается около 1,3—2,5 миллиона алавитов, что составляет 8—15 процентов от всего населения. Сейчас многие из них перебрались в города на работу и учебу. Этот район наглядно отражает социально-религиозное деление общества. Мы живем примерно на середине горы, где, как и у подножья, селится средний класс алавитов. Дома у них большие и изящные. На вершине живут самые бедные семьи. К своим домам они могут подняться только пешком, так как по такому крутому склону ни один транспорт не ходит.¹²

¹²Одно из направлений ислама, последователи алавизма.

Дома у них маленькие, словно картонные коробочки, часто некрашенные. Сильный ветер, солнце и песок не позволяют даже открывать окна. Тут не увидишь ни одного живого цветка – все, как в пустыне, только высоко.

Правда, отсюда открывается замечательный вид на соседний район суннитов Барза. Там высятся современные панельные многоэтажки с большими балконами. Между домами – ряды апельсиновых деревьев, пальм, цветущий кустарник. Это, конечно, – не зеленый оазис, но, по сравнению с выжженной солнцем горой алавитов, выглядит он впечатляюще.¹³

Такой контраст между районами подчеркивает неравенство и связь с религиозными корнями. В Аш-аль-Уаруар живут выходцы из алавитских деревень с северо-запада Сирии, а в Барза – коренные жители Дамаска.

Алавиты селятся в Дамаске как можно ближе к своим землякам. Даже внутри района можно наблюдать географическое разделение. Например, выходцы из одной алавитской деревни живут на одной улице, а из другой деревни – на другой. Рядом с нашим домом расположился дом семьи тети мужа. Чуть дальше живет семья старшей сестры Науал. У подножья горы – еще десяток знакомых мужа из их деревни. Поэтому во время прогулок по району приходится непрерывно здороваться. «Мархаба! Кифак?», что значит по арабски привет и как

дела? – только и слышно вокруг. Без преувеличения можно сказать, что алавиты переносят свои деревни в Дамаск.

После завтрака члены моей новой семьи устраивают мне экскурсию по дому. Я восхищаюсь его размерами: трехэтажное строение, площадь каждого этажа – около 110 квадратных метров, высокие потолки... Меня дом впечатляет, он напоминает дворец. Оказывается, для сирийского среднего класса это довольно обычное жилище. Дом кажется еще больше, так как в нем довольно пусто, нет ничего лишнего. Братья пока холостяки и живут тут только второй год.

¹Зодно из направлений ислама, последователи суннизма.

На первом этаже – две просторные комнаты, кухня и огромное помещение со старыми ненужными вещами. Уточняю. Оказывается, мужчинам в Сирии часто приходится работать в двух местах: днем – наемным работником, а вечером – на себя предпринимателем. Зарплаты тут маленькие, и, чтобы прокормить себя и семью, приходится открывать небольшой бизнес у себя дома. Именно для этого и предназначена пустующая пока комната – в ней будет магазин, кафе или бюро. На втором этаже – две спальни, малая гостиная и кухня. Третий этаж только строится, но и тут схожая планировка. Предполагалось, что в доме будут жить три брата: Хасан, Рида и Мохаммед, каждому – по одному этажу для его семьи. По сути – три квартиры в трехэтажном доме. Своего рода семейное родовое гнездо. Мы с мужем заняли второй этаж.

Меня спрашивают, как я утром оказалась здесь, в малой гостиной, а не в спальне второго этажа.

– Тут слишком шумно, чтобы хорошо спать, – вежливо поясняют братья.

– И неудобно, все на виду, как в магазине, – добавляет Ноха.

Мне немного неловко перед ними, будто я сделала что-то из ряда вон выходящее. Разве есть какая-то разница?

– Да, но в спальне сегодня ночью было очень холодно, – оправдываюсь я.

– Холодно! – смеется Рида. – Радуйся, что сейчас зима. Когда летом под сорок пять градусов припечет, будешь мечтать о такой погоде.

Хасан поддакивает:

– О-о-о, холод переносится проще. оделся в один слой, в два, да хоть в десять слоев – нет проблем. А вот летом снимай – не снимай одежду, ничего не спасет. жара!..

– Верю-верю, – покорно соглашаюсь я. – Поживем – увидим. Экскурсия подошла к концу. Мне понравился наш новый, большой, хотя пока не совсем обжитый дом.

Здравствуй, Дамаск!

Знакомство с достопримечательностями Дамаска.

Столичные женицины.

Рынок Сук аль-Хамидия.

Сумасшедшее движение, безбрежная торговля, беседы с кальяном в кафе, сказители баллад.

Я с первых дней испытываю искреннюю радость оттого, что живу в Дамаске. И это логично. Кто бы не захотел оказаться в таком древнем городе? Дамаск можно смело назвать самой старой столицей мира. Считается, что первые упоминания об этом городе в древнеегипетских папирусах относятся к XVIII веку до н. э. Это самый важный и примечательный факт о Сирии. Немногие города могут похвастаться такой солидной историей.

В прихваченных с собой путеводителях по Сирии я помечаю маркером интересные культурные объекты и сегодня начну с ними знакомиться.

Погода, как на заказ: солнечно, безоблачно и довольно тепло – около 15 градусов. Акклиматизация прошла успешно, но я еще не совсем привыкла к такой солнечной погоде зимой.

В первый раз иду в город вместе с мужем. Как гид Дамаска он, конечно, никудышный, потому что родом из другого района, из деревенских окрестностей города Хама на северо-западе Сирии. В Дамаске живет всего год после учебы в России. Но он уже неплохо ориентируется в городе и знает те места, которые глаз туриста не пропустит.

А тут таких местечек немерено, ведь Дамаск – своего рода альфа и омега в истории человечества. Здесь, согласно преданию, после изгнания из Эдема построили свое жилище Адам и Ева. И сюда же накануне Страшного суда спустился на Землю Иисус. » – так лестно отзывался о городе пророк Мухаммед и сравнивал его с раем на земле. *«Дамаск – это настоящий кусок неба»*

И мне интересно, прочувствую ли я этот рай и историческую красоту. Посмотрим, насколько справедливо Дамаску присвоен этот титул.

Уже с утра повсюду чувствуется современный ритм города. Многовековую историю сразу и не разглядишь. Вокруг кипит современность – торговля, люди, транспорт. Вроде все как и в других мегаполисах.

Дамаск – огромный город. Здесь живут около 2 миллионов человек, а с учетом всех пригородов – около 4 миллионов, плотность населения – 14 864,41 человек на квадратный километр.¹⁴

Я обожаю большие города. Меня несколько не раздражает эта суеда, а напротив, придает сил и заряжает на новые идеи и дела. Мне нравятся такие города хотя бы потому, что можно влиться в бурный поток людей и своим присутствием не разрушить привычный ритм жизни. Ты становишься неразрывной частью незнакомого тебе города. Здесь, в Дамаске, у меня тоже возникло такое чувство.

Местные жители отовариваются, общаются, торгуются. иностранцев в городе практически не видно. Считается, что, в отличие от египта и Турции, туризм в Сирии не очень развит. Здесь редко увидишь среднестатистического туриста «all inclusive».¹⁵

Путевки по Сирии охватывают преимущественно древние места, и туристов возят на автобусах от одного исторического объекта к другому, из одного города в другой. Отели тоже довольно простые, без шикарных бассейнов, развлекательных аттракционов, шоу, дискотек и т. д.

¹⁴Статистика на 2011 год. Для сравнения: плотность китайского Шанхая – 18 630 человек на квадратный километр, Москвы – 4833 человека, плотность Таллинна – 2734 человека на квадратный километр.

15All inclusive (в переводе с англ. «все включено») – система обслуживания в отелях, при которой питание, напитки (чаще всего местного производства) и многие виды услуг (развлечения, экскурсии) включены в стоимость проживания.

Может показаться, что страна вообще закрыта для иностранцев. А все из-за того, что она находится в напряженных отношениях с соседним Израилем и активно поддерживает многие ливанские и палестинские организации, которые борются за возвращение территорий палестинцам.

Отсутствие толп туристов меня даже успокаивает. Я люблю окунуться в быт обитателей города, оставаясь при этом почти незамеченной. Мне важно ощущать себя независимой, свободной от взглядов местного населения, затеряться в толпе.

Удивительно осознавать, что ты – в арабской стране, а на улицах к тебе никто не пристает, не пытается заговорить и даже не провожает настороженным взглядом – все заняты своими делами и на иностранцев реагируют очень дружелюбно. На базаре продавцы местных деликатесов часто предлагают туристам попробовать их товар бесплатно, и ничего зазорного не будет, если вы, даже отведав угощение, откажетесь от покупки.

Вообще торговля здесь идет повсеместно. В уличных лавках можно купить фрукты и овощи, сладости и напитки. Многие продавцы предлагают свежавыжатые соки из апельсинов, лимонов, грейпфрутов, граната, киви, сахарного тростника, а также молочно-банановые коктейли. Горожане за столиками с наслаждением пьют фруктовые коктейли из больших, похожих на пивные, кружек. Бесчисленные магазинчики сладостей предлагают торты, пирожные, печенье, восточную халву с фисташками, сладкую пахлаву в сиропе с орехами, тягучий разноцветный рахат-лукум, обсыпанный сахарной пудрой. Запах стоит обалденный. Пройти мимо, не отведав этих вкусняшек, невозможно. Моя страсть к сладкому заводит нас в один из таких магазинчиков.

– Добро пожаловать в Сирию! Пробуйте, угощайтесь, пожалуйста! – радушно встречает нас продавец. На прилавке – несколько серебряных подносов со сладкой пахлавой.

– Шукран! Шукран! – только успеваю я повторять в ответ на восточное гостеприимство.

16

16Спасибо! Спасибо! (араб.)

Отведав десяток маленьких сиропных квадратиков, я покупаю целую коробку пахлав разных видов, идем дальше. Торговцев – видимо-невидимо. Одни продают с прилавков, другие развозят товар по районам Дамаска на маленьких белых грузовичках или на тележках.

– Помидоры! Помидоры! картошка, картошка! – несетя из рупоров на фургонах.

Достаточно выкрикнуть, что ты хочешь купить, и машина остановится, а ты сможешь выбрать свежие фрукты или овощи.

Другие же, наоборот, призывают не купить, а отдать старые ненужные вещи за символическую плату:

– Старые вещи! Собираем ненужные вещи!

Например, можно сдать алюминиевые конструкции, сломанные стиральные машины, телевизоры и прочую технику, а также старую мебель. В общем, всякий хлам на переработку.

Я хоть и люблю суету города, но эта уличная торговля уже гремит у меня в ушах и слегка напрягает. Хотя, с другой стороны, иногда весьма удобно: можно купить все сразу и недалеко от дома.

Дамаск гудит и жужжит этой уличной торговлей. По сравнению с ним, улицы моего родного города больше похожи на немое кино. Одни горожане, подобно муравьям, непрерывно работают, другие, как кузнечики в траве, сидят на лавочках и стрекочут так громко, что их слышно аж в соседнем квартале.

Поначалу я побаивалась, что как иностранка со славянской внешностью буду казаться здесь чужой и не впишусь в общую картину. Непокрытая голова, светлые волосы, белая кожа

и голубые глаза – все то, на что арабы обычно обращают внимание. В восточной стране, например, в Египте или на турецких курортах, европейские женщины воспринимаются как голливудские звезды, местные мужчины часто смотрят на них с вожделением.

В Дамаске моя внешность воспринимается местными жителями вполне нормально. Мужские взгляды скромные и спокойные. Непокрытых женских голов здесь почти половина. Можно сказать, что единого облика в одежде у местных женщин нет, наоборот, настоящее многообразие силуэтов. Вот идет девушка в узких джинсах и в платке, а следующая – уже без него. Вот несколько девчонок выбежали из школы в опрятных белых платочках и в синей школьной форме.

Есть, конечно, и такие, кто тяготеет к традиционным мусульманским одеяниям. Встречаются дамы в длинных одеждах, похожих на осеннее пальто или плащ. В Сирии довольно трудно встретить девушку, с головы до ног закутанную в черную мантию и покрытое лицо чадрой. Если вдруг попадется такая на пути, то это скорее всего будет приезжая из консервативных стран аравийского полуострова. Классический сирийский стиль головного убора для мусульманки – плотно повязанный белоснежный платок. Восточные мужчины любят блондинок и иногда шутят по этому поводу: «*... а у нас полстраны блондинок с этими белыми хиджабами*»¹⁷

Самые модные девушки – христианки и алавитки. Это красотки с шикарными блестящими темными волосами в обтягивающих модных джинсах, гордо виляющие бедрами. и как же без восточного макияжа? Глаза выразительные, брови высоко вздернуты, цвета яркие, много блеска. Блеск здесь – важная часть не только макияжа. он обильно присутствуют во многих атрибутах одежды – на бейсболках и шарфиках, на футболках и блузках. на солнце все это весело блестит и придает хозяйке уверенность в том, что она не останется незамеченной.

Милыми мне кажутся мусульманские девушки с белыми и пестрыми платочками на головах, в джинсах, ярких блузках и туниках. они как бы олицетворяют слияние мусульманского и западного миров.

Я с нескрываемым любопытством наблюдаю за сирийскими женщинами и в какой-то момент с удивлением осознаю, что сама являюсь объектом их живого и доброжелательного интереса. Их жесты и взгляды вызывают положительные эмоции.

Все искренне улыбаются мне.

¹⁷Хиджаб – традиционный арабский женский головной платок.

Рассматривая одежду здешних дам, я понимаю, что представительницам слабого пола следует соблюдать несколько незамысловатых правил: не носить одежду с открытыми плечами, глубоким декольте и короткие юбки. Говорят, если девушка будет слишком сексуально одета, к ней подойдет полицейский, объяснит, как надо правильно одеваться, на машине отвезет модницу домой или отпустит с просьбой быстрее переодеться.

Однако хоть отцы и мечтают иметь в семье мальчиков, это вовсе не означает, что они не любят девочек, наоборот, дочерей балуют именно отцы, а не матери. С папами у них добрые доверительные отношения. И мальчикам, и девочкам обязательно прививается уважение к старшим. Мнения и советы родителей – закон для детей, которому надо безропотно следовать.

В то время у меня детей еще не было, а местные женщины моего возраста обычно уже имели по два-три ребенка. Поэтому сирийские женщины часто интересовались: «А нет ли у тебя какого-нибудь женского недуга или болезни, дорогая?» Основной постулат сирийской семьи: если ты замужем, значит, должны быть дети. Попробуй объясни, что не всегда и не везде так получается. По сути, они ставили меня в положение, когда мне приходилось оправдываться. Я отвечала, что пока не было времени думать о детях, что я посвятила себя учебе в университете. Взгляды сирийских женщин выражали недопонимание и огромную жалость ко мне: «Как,

милая девочка ты наша? Ты так много и так долго училась всему, но не поняла и не научилась главному – быть мамой».

Однажды я стала даже объектом диалога двух сотрудниц центра, они обсуждали бездетных женщин. Я случайно подслушала их разговор, когда закончила занятие с ребятами. Дамы забыли закрыть дверь в кухню и за чаем громко сплетничали.

Но понять, не противоречит ли твоя одежда местным традициям, можно и без полицейского. Об этом тебе скажут осуждающие взгляды прохожих. Все-таки Сирия – мусульманская страна, а ислам предписывает девушке-мусульманке быть скромной. Одежда, по исламским традициям, должна скрывать тело женщины от посторонних глаз. Открытыми могут оставаться только лицо, кисти рук и стопы.

Эти предписания не распространяются на христиан, но даже они придерживаются здесь умеренности в одежде и редко оголяют на людях ноги.

Я гуляю по Дамаску налегке, порхаю, как птичка. небо прозрачное, синее, по-прежнему без облачка. Высокое солнце нежно щекочет мои щеки, греет и заряжает энергией. Досадно только, что воздух наполнен песком из пустыни, с гор. Песчаная пыль – в домах, на одежде, в волосах, на открытых и закрытых прилавках магазинчиков. Сор летит также от транспорта с дороги.

Дороги Дамаска – особая тема для разговора. улицы заполнены сигналящим транспортом. Здешнее автомобильное движение, не побоюсь этого слова, – настоящее сумасшествие. Ах, эти дороги...

На первый взгляд кажется, что на дорогах царит хаос и правил дорожного движения в Сирии не существует. Сирийские водители кажутся мне беспечными и немного сумасбродными. Они, например, не пользуются поворотниками, а если им нужно повернуть, высовывают руку из окна и показывают, куда им надо. Вижу, как из крайней правой полосы водитель вырывается влево – без предупреждения сигналом поворотника, просто помахав рукой и что-то выкрикнув. Действует принцип: если много жестикулировать и сигналить, то все обойдется – машины как-нибудь разъедутся, а пробка сама собой рассосется.

Благо на улице тепло, и окно с водительской стороны всегда открыто. Так что можно махать рукой, можно кричать на проезжающую машину или на пешехода, который, кстати, к правилам дорожного движения относится аналогично – переходит дорогу где и когда ему вздумается, нисколько не опасаясь снующих туда-сюда машин. Крики, сигналы, жестикуляция, раздражение, эмоции – отличный сюжет для фильма в жанре экшн.

На оживленных улицах мало светофоров. Посередине дороги часто стоит полицейский со свистком и громко свистит, когда загорается красный, настойчиво показывая жезлом, что пора бы остановиться.

Регулировщик нужен обязательно. Если его нет, водитель, подъезжая к перекрестку, норовит пересечь ограничительную полосу, остановиться вне видимости светофора и узнает о смене его света только по гудкам стоящих за ним машин: мол, давай езжай, чего замешкался, не видишь, что ли, давно зеленый!

Движение постоянно сопровождается громки звуками торможения и резкого газования. Впечатление такое, будто все хотят кого-то догнать и перегнать. С непривычки головная боль от сигналов обеспечена. Местные привыкли к такому хаосу и заверяют, что дорожных происшествий сравнительно мало. Говорят, что водители здесь опытные и умеют выкрутиться из любой критической ситуации.

В случае нарушения максимум, что может сделать полицейский, это погрозить рукой или жезлом и попросить больше так не делать. Непонятно – полицейские не наказывают водителей по доброте душевной или не видят необходимости их штрафовать? Любая ситуация на дороге всегда разрешается мирно.

Маршрутные такси – один из самых распространенных и дешевых видов транспорта в Сирии. Есть маршрутные автобусы, но они ходят реже и не по всему городу, поэтому востребованы мало. В маршрутке помещаются 8—10 человек, проезд стоит около 5 лир.¹⁸

Сидим с мужем на переднем сиденье возле водителя, чтобы лучше видеть город. Но девушке одной возле водителя садиться не стоит – не принято и считается крайне неприличным. Возле руля – россыпь мелких безделушек и коробка монет, собранных у пассажиров за проезд. Водитель попался на редкость лихой и задорный – на поворотах и остановках визжат тормоза. Всю дорогу он шутит и успевает пить крепкий черный чай из граненого стакана. Останавливаемся на одном из светофоров. Рядом с нашей маршруткой тормозит микроавтобус. Водители громогласно приветствуют друг друга и, пока горит красный свет, о чем-то эмоционально беседуют.

Загорается зеленый, и мы, как бешеный шмель, жужжим колесами по улицам Дамаска. Изредка подбираем по дороге размахивающих руками пассажиров. Меня поражает особое умение дамаскцев издалека разглядеть в арабской вязи название маршрута и успеть остановить летящую машину. «Хорошее зрение, скоротечение и мгновенная реакция здесь, бесспорно, пригодятся», – отмечаю я. Если маршрутка переполнена, ее даже не пытаются остановить. Никого такое положение дел не огорчает. Приедет следующая. Маршрутки здесь ходят отлично. Конечно, без расписания и определенных остановок, но часто – до поздней ночи.

На любой улице в любое время суток всегда много такси. Стоит ненамного дороже маршрутки: за 10 лир исколесишь полгорода. Можно смело сказать, что половина городского транспорта – желтое такси. Куда ни глянь – везде желтые машины.¹⁹

До центра доезжаем за полчаса. Раз остановок нет, выйти можно везде. Достаточно прокричать водителю и он сразу остановится по требованию.

18 Лира – валюта Сирии. В 2010 году 1 евро = 53 сирийские лиры. 5 лир – это чуть меньше 0,10 евро.

19 В 2010 году 1 евро = 53 сирийских лиры. 10 лир – это примерно 0,18 евро.

Выходим из маршрутки и оказываемся под оживленным пешеходным мостом.

– Всё по пять! Сегодня всё по пять! – через рупор мотивирует на покупку продавец.

Стихийные рынки тут повсюду, и каких только товаров на них нет! По обеим сторонам дороги можно купить продукты, одежду, домашнюю утварь. На улицахлюдно. Центр города выглядит очень гармонично: невысокие пяти-шестиэтажные здания, дворики, узкие улочки с зелеными кустарниками и цитрусовыми. На домах – красочные транспаранты и реклама. Фасады древних построек, напротив, привлекают старыми фонарями, античными колоннами и арочными окнами.

В этой картине ярко выделяется одно многоэтажное недостроенное здание, своими габаритами контрастирующее со всем окружающим, – серая глыба мрачных бетонных плит на столбах.

– Что это за ужас? Бизнес- или шопинг-центр? – думаю вслух я.

– Именно. Планировалось так, – говорит Мохаммед.

– А почему недостроено?

– Я с детства помню эту стройку. она началась в восьмидесятых годах. Потратили много миллионов. Но нечестные влиятельные люди проворовались, в результате – такое убожество, – рассказывает муж.

– А где эти люди, в тюрьме или как?

– Наверное. Не знаю, где они сейчас. Слышал, что замешанных в этом чиновников сняли с постов.

Этот ужасный дом – пока единственная вещь, которая не понравилась мне в Дамаске. Местные жители тоже не в восторге оттого, что недостроенное здание конфликтует с историческим видом города и портит Дамаск. Некоторые шутят, мол, гостям города по нему удобно

ориентироваться, это своеобразный маяк. «Плохой все-таки это маяк», – думаю я, когда мы подходим к культурной жемчужине исторического центра.

Дамаск славится самым древним и самым большим базаром на Ближнем Востоке – Сук аль-Хамидия. Это рынок под сводчатой железной крышей. Не заметить вход невозможно – величественная византийская арка как бы открывает врата в мир восточных богатств.

Заходим. Господи! Какое изобилие! Вот так рынок, всем рынкам рынок! Специи, серебро, золото, ткани, платки, платья, ювелирные украшения, косметика на основе оливкового масла, ковры, овечьи шкуры, шелковые платки, деревянные шкатулки... Глаза разбегаются, не знаешь, к какому торговцу бежать. Вещи – от пола до потолка. Прямо знакомая с детства восточная сказка.

Здесь торгуют веками. Для местных продавцов черная копоть на стенах лавки и толстый слой пыли на блюдах, кувшинах и кальянах в грязной витрине – своеобразный «знак качества». Зачем стирать пыль? Всему этому сотни лет, здесь торговали еще с древности деды и прадеды, тряся бородами и чалмами. На рынке торгуют одни мужчины. Считается, что женщинам неприлично заниматься такой публичной работой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.